Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2019

Ростов
2020

Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итталийския страны»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв.[1]

Т. А. Матасова

В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты церковного почитания прп. Кассиана Учемского (ил. 1), с именем которого связывается основание пустыни[2] при впадении р. Учемки в Волгу в последние десятилетия XV в.[3] В науке никогда не рассматривался вопрос о том, в связи с какими обстоятельствами прп. Кассиан Грек (в миру — князь Константин Мангупский, по-видимому, родившийся в Трапезунде и происходивший из греческой династии Комнинов[4]) стал именоваться в Прологе 1662 г. святым «от Итталийския страны». Между тем, специальное изучение вопроса о роли итальянских мотивов в биографии прп. Кассиана обнаруживает значимые изменения в церковном почитании этого праведника, а также отражает главные процессы духовной жизни России середины — второй половины XVII в.

Уверенно говорить о начале местного почитания прп. Кассиана можно с момента появления ранней редакции его жития, которая, вероятнее всего, была составлена в начале 1540-х гг.[5] Можно думать, она связана с подготов-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

[2] XXIX научная конференция «История и культура Ростовской земли», прошедшая 6–8 ноября 2019 г., была посвящена 175-летию со дня рождения А. А. Титова — выдающегося знатока прошлого Ростово-Ярославского края. В этой связи нельзя не отметить, что А. А. Титов был одним из первых серьезных исследователей истории обители прп. Кассиана. См.: *Титов А. А.* Учемская Кассианова пустынь // Исторический вестник. 1895. № 8. Август. С. 392–410.

[3] Точное время основания обители не известно, в источниках фигурируют различные годы седьмого-восьмого десятилетия XV в.

[4] *Наумова Е. А., Смирнов В. Г.* Византийский князь на Мышкинской земле // Мышкинская лоция. 2014. № 9 (15). С. 14–15.

[5] Опубл.: Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского / ред. А. С. Герда. СПб., 2008. С. 117–130; См.:

© Матасова Т. А., 2020

кой его канонизации на соборе 1547 г., на котором были прославлены в чине общерусских святых многие местночтимые праведники. Тогда эта канонизация не состоялась. Видимо, причиной была память о связях прп. Кассиана с двором угличского князя Андрея Большого — противника жесткой централизаторской политики Ивана III. Прославление святого пришлось на 1629 г. В более поздней — второй — редакции жития, дополненной шестнадцатью чудесами и созданной в связи с канонизацией[6], присутствует мысль о том, что его стали местно чтить почти сразу по его преставлении[7]. С середины XVII столетия можно с уверенностью говорить о широком почитании этого праведника, по крайней мере, в Европейской России.

Неудивительно поэтому, что третья, краткая версия жития прп. Кассиана вошла в Пролог 1662 г. Это было отражением установившейся к этому времени реальной практики почитания святого. А после 1662 г.— по мере распространения Пролога нового состава по российским церквям и обителям[8] — почитание прп. Кассиана еще более укрепилось. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе пожертвования от людей разного чина, изобильно поступавшие в монастырь с 1660-х гг.[9]

Алексеева Е.Л. Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского. СПб., 2008. С. 37. В науке существует несколько точек зрения на время создания редакций жития прп. Кассиана и их соотношение. Так, Е.Г. Сосновцева полагает, что житие составлено не ранее XVII столетия (см.: *Сосновцева Е.Г.* Кассиан Грек // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). М., 2013. Т. 31. С. 487–491). Автор данной статьи, однако, солидарна с мнением Е.Л. Алексеевой о раннем — восходящем к XVI в.— появлении первой редакции, которая не содержит чудес. Второй редакцией можно называть дополненный чудесами вариант жития, связанный с канонизацией святого в 1629 г. Третья — краткая — редакция читается в московских печатных прологах с 1662 г. Существует и поздняя — старообрядческая редакция жития прп. Кассиана, читающаяся в сборнике рубежа XVIII–XIX в. См. о ней: *Каган М.Д.* Житие Кассиана Угличского // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. А–З. С. 364. Стоит отметить, что вопрос соотношения редакций жития прп. Кассиана еще далек от окончательного решения. Автор данной работы в настоящее время активно исследует этот вопрос со своими учениками; в обозримом будущем предполагается подготовить критическое издание жития прп. Кассиана по всем известным спискам в совокупности его различных редакций.

[6] Опубл.: Ярославские епархиальные ведомости (далее — ЯЕВ). 1873. Ч. неофиц. № 14. Стб. 111–117; № 42. Стб. 337–344; № 43. Стб. 345–348; См. также: ЯЕВ. 1894. Ч. неофиц. № 11. Стб. 162–167; № 12. Стб. 178–182; № 13. Стб. 193–196.

[7] ЯЕВ. 1894. Ч. неофиц. № 13. Стб. 195.

[8] Следует отметить, что с 1650-х — 1660-х гг. Печатный двор начинает ориентировать свои издания не только на духовенство, но и «на более широкие круги читателей», на отдельно взятого грамотного человека, «неизбежно должного решать заново поставленную перед каждым проблему пути к спасению». См.: *Поздеева И.В.* Московский печатный двор накануне петровского времени // *Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: исследования и публикации. М., 2011. Кн. 2. С. 11–12.

[9] См.: *Матасова Т.А.* К истории книжной культуры Кассиановой Учемской пустыни

При внимательном знакомстве с разными редакциями жития заметна своеобразная эволюция рассказа о происхождении святого, о его жизни до приезда на Русь.

Несмотря на почти критическую скудость сведений об этом этапе биографии прп. Кассиана[10], известно, что до пострига он жил в Византии (в Константинополе и/или в Морее на Пелопоннесе). Потом он — видимо, с «домом» (двором) Фомы Палеолога — оказался в Италии, в Риме, где был обласкан кардиналом Виссарионом. Затем в числе окружавших Софью Палеолог греков летом 1472 г. он отправился на Русь. Как видим, в биографии святого ярко выражены как греческий, так и римский периоды жизни.

Составители различных редакций жития прп. Кассиана воспринимали значение этих периодов по-разному. Так, в более ранних текстах — до 1662 г.— больше подчеркивается «греческий» период жизни Кассиана. О его связи с Италией — землей папы римского — сказано более чем кратко и в нейтральных тонах, присущих общехристианскому пониманию Рима как некогда важного общехристианского центра. Это нашло отражение даже в заголовке: «Житие и подвизи прп. отца нашего князя Константина Манкувского *Римлянина Грека*, нареченного во иноцех Кассиана... » (здесь и далее курсив мой. — *Т. М.*). О его происхождении говорится, что он был «родом от *великаго и стараго Рима,* [от] царствующаго града, нарицаемого Аморія»[11]. Это было в духе тогдашнего восприятия образа Рима[12]. В летописных известиях разного происхождения рубежа XV–XVI вв., которые, несомненно, использовались при составлении жития, приезд Софьи

на рубеже XVII–XVIII вв. // ИКРЗ. 2018. Ростов, 2019. С. 218–225; *Ее же.* Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени / отв. ред. А. А. Горский. М., 2020. Вып. 1 (в печати).

[10] Показательно, что в синодике Учемской обители после слов «Род начальника и строителя святыя обители сея. Помяни, Господи, душу усопшаго раба Своего благовернаго князя Констянтина, во иноцехъ Касияна, и вся сущая его сродники» оставлено пустое место (см.: Мышкинский народный музей. Инв. № 15. Л. 45 об. Сердечно благодарю директора Музея истории Кассиановой пустыни и судьбы русской деревни (с. Учма) Е. А. Наумову за предоставление фотокопий этой рукописи). Это означает, что ко времени составления синодика (или, по крайней мере, создания того списка синодика, который сохранился до настоящего времени, а это 1712 год) имена предков прп. Кассиана были забыты даже в основанной им обители. О новой датировке сохранившегося списка синодика см.: *Матасова Т. А.* К истории книжной культуры... С. 230. См. подробно: *Матасова Т. А.* Монастырь и мир... (раздел «О датировке учемского синодика»).

[11] Жития... С. 118–119; ЯЕВ. 1873. Ч. неофиц. № 14. С. 112. Обратим внимание на ошибку, невольно допущенную при «обобщении» данных биографии прп. Кассиана: «Аммория» — Морея, расположенная на Пелопоннесе (область, а не город!), никогда не была частью владений римских пап.

[12] См., напр.: *Матасова Т. А.* Об образе Рима в Московской Руси: Сказание о Богоматери Римской в контексте итало-русских связей середины XV — первой трети XVI столетия // Современные проблемы изучения истории Церкви. М., 2011. С. 145–148.

и ее свиты на Русь неразрывно связан с Римом[13], или, как выразились придворные летописцы (Пахомий Серб[14]?), «Великим Римом»[15].

Здесь существенна еще одна деталь. Можно думать, что сам выбор имени для будущего святого — Кассиан — также был обусловлен памятью о римском периоде его жизни. Вероятнее всего, он был наречен в честь св. Кассиана Римлянина — выдающегося богослова IV–V вв., отдельные произведения которого были известны на Руси. Имя Кассиан в Вологодском крае любили. В Ферапонтовом монастыре, где произошел постриг, св. Кассиана Римского, видимо, как-то сугубо почитали. На сегодняшний день пространных сведений о библиотеке монастыря прп. Ферапонта нет[16], однако мы знаем, что с этой обителью был связан знаменитый игумен Кирилло-Белозерского и позже Спасо-Каменного монастыря Кассиан, скончавшийся после 1471 г.[17] На первую треть XVI столетия приходится игуменство в Комельском монастыре еще одного праведника по имени Кассиан, который был современником прп. Корнилия[18]. В середине XVI столетия игуменом Ферапонтовой обители был Кассиан Булгаков[19].

В ранних редакциях жития прп. Кассиана Учемского доминируют греческие мотивы, подчеркивается его связь с византийским миром.

В Прологе 1662 г. — напротив! — в самом начале дважды говорится о том, что Кассиан связан не просто со «старым Римом» (т.е. не утратившим еще чистоту веры), а в первую очередь с Италией: «Сеи преподобныи отецъ нашъ Касианъ бяше *от Итталийския страны* от Аммории»[20] и он «во дни

[13] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 213–215; М., 1959. Т. 26. С. 225, 242–243, 244, 248–249, 251; и др.

[14] См.: *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 87–93.

[15] ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 300.

[16] См.: *Каган М.Д.* История библиотеки Ферапонтова монастыря // Книжные центры Древней Руси XI — XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 107.

[17] «Игумен Касьанъ Каменскои и в Кирилове монастыри игуменил много лет, и житию Кирила чюдотворца свидетел. За некую же потребу князь великии Василий Василиевич и митрополит Иона посылали его в Царьград дважды...» (См.: *Прохоров Г.М.* Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. СПб., 1991. С. 160). Этот праведник был прославлен при Иване III и почитается в соборе Вологодских святых. См. подробно: *Семячко С.А., Флоря Б.Н.* Кассиан // ПЭ. М., 2013. Т. 31. С. 495–498.

[18] См.: Житие Корнилия Комельского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 328. Этот Кассиан почитается в соборе Вологодский святых, а также Карельских святых.

[19] *Каган М.Д.* История библиотеки... С. 129, 132. Отметим здесь, что XVI столетие знает также видного церковного деятеля эпохи Василия III Кассиана Босого и прп. Кассиана Муезерского, основавшего в 1570-е гг. приписанную к Соловецкой обители Троицкую Муезерскую пустынь, однако о сугубой связи этих церковных деятелей с Вологодским краем не известно.

[20] Пролог. Вторая половина. Март-май. М., 1662. Л. 466. Здесь также ошибочно сказано, что Морея была частью Италии, которой на самом деле не являлась. Тем не менее это ошибка в каком-то смысле менее грубая, чем та, что невольно

княжения благовѣрнаго и великаго князя Иоанна Василиевича всея России прииде *от Итталии* во славныи градъ Москву со царевною Софиею, дщерию Фомы деспота Аммореискаго»[21] (ил. 2). Ниже — при рассказе о людях, которые с ним приехали — тоже подчеркнута именно Италия: «И по брацѣ великаго князя *посланницы Итталийстии*, овии обратишася восвояси, инии же осташася служити великому князю, с ними же остася и сеи благовѣрныи князь Константинъ Макнувскои»[22]. В более ранних текстах *вообще* не отмечено, откуда они. Просто сказано, что это были знатные люди от папы римского (то есть опять фигурирует именно «Рим»). Таким образом, в начале проложного чтения 1662 г. трижды (!) подчеркнуто: «Италия».

Итак, налицо довольно существенное расширение пространственно-географической локализации родины Кассиана, точнее, земли, с которой он связан духовно и носителем культуры которой изначально являлся.

Чем можно объяснить эти изменения?

Можно думать, что подчеркивание «греко-римского» («Римлянин Грек») происхождения Кассиана до 1662 г. в огромной степени связано с настроениями, господствовавшими в эпоху создания ранней редакции жития, с 1540-ми гг. В ту пору идеи преемственности Руси по отношению к «второму Риму» — Византии — были необычайно актуальны. И как раз именно на это время в среде придворной аристократии приходится переосмысление образа Софьи Палеолог: из нелюбимой «римлянки» (то есть католички) и «грекини» (по мнению московских книжников, греки после 1439 г. утратили чистоту веры), какой она нередко предстает на страницах источников рубежа XV–XVI вв., великая княгиня к середине XVI в. превращается в сознании московских придворных в очень важное звено, кровно связывавшее Ивана Грозного с величием Ромейской державы[23].

С другой стороны, на XVI в.— время расцвета «всемирно-исторической» идеологии Московского царства — приходится заметная тенденция «аккумулирования» в России «западной» святости, включение ее в русскую православную систему координат. Например, в житии прп. Павла Обнорского есть «чудо о Фрязине», произошедшее в 1540-е гг. (пушечный мастер Феодор Фрязин, по-видимому, католик, получает исцеление в Павло-Обнорской обители)[24]. На середину XVI в. приходится канонизация

сделана в тексте предшествующей редакции Жития прп. Кассиана (см. сноску 11), ибо на Пелопоннесе располагались стратегически важные венецианские крепости — Корон, Модон, Навплион и др., игравшие серьезную роль в истории Мореи.

[21] Там же. Л. 466.

[22] Там же. Л. 466 об.

[23] *Матасова Т. А.* Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 94.

[24] См. подробно: *Матасова Т. А.* Беломорские и итальянские сюжеты в житии преподобного Павла Обнорского // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2017. Т. 16. С. 58–62.

св. Исидора Твердислова, а также подвиги св. Иоанна Власатого. Оба эти праведника пришли в Ростов с Запада, но были «вовлечены» в русский мир, способствуя — по мысли богословов той поры — торжеству Божьей благодати в нем. Россия словно принимает западную святость, которая действует на благо спасения Московского государства. В этом контексте трактуется и образ Кассиана: он тоже с Запада, «из Рима», но он грек, приближенный Софьи Палеолог, и русский православный мир принимает его в свои объятия.

В 1620-е гг. для книжников эпохи Михаила Романова было важно легитимизировать новую династию, подчеркнуть ее преемственность по отношению к старой, для которой были важны византийские образы и идеи. В силу этих причин составителям ранних редакций жития прп. Кассиана было важно подчеркнуть его связь с Грецией и Римом.

К середине XVII столетия культурно-идеологическая ситуация изменилась. Последствия Смуты были в целом преодолены, новая династия закрепилась, и московские правители, — стремясь расширить внешнеполитические горизонты России, — вновь начали посматривать в сторону Западной Европы. Середина XVII в. отмечена всплеском дипломатических связей России с итальянскими государствами. Деятельность Альберто Вимина в России, посольство Ивана Чемоданова в Венецию (1656) и Василия Лихачева во Флоренцию (1657) ознаменовали собой новый виток активизации отношений России с итальянским миром.

Влияние европейских образов, идей и сюжетов на русскую культуру этого времени было достаточно заметным. Вторую (и более яркую!) жизнь в это время обретают те итальянские образы, которые пришли в более раннее время. Так, именно на середину XVII в., можно думать, приходится оформление рассказа о русском паломнике XV в. в Бари, который привез с собой образ св. Николая и с которым связано основание Никольского Улейменского монастыря (хотя Угличский летописец, где впервые подробно изложен этот рассказ, является памятником XVIII столетия)[25]. Именно в это время появляется и распространяется русский образ Богородицы «Прибавление ума», иконография которого восходит к Лоретской Мадонне (рассказ о ней был привезен в Москву в 1520-е г.[26]). Словом, середина XVII в.— время нового подъема русско-итальянских политических, торговых[27] и культурных контактов.

Но более всего для рассматриваемого вопроса оказываются важны

[25] См.: *Матасова Т.А., Тарасов А.Е.* Свидетельства о начале Николо-Улейминской обители в памятниках книжности XVIII в. // Барградский сборник / отв. ред. М. Талалай. М., 2020. Вып. 2. С. 21–48.

[26] См.: *Плюханова М.Б.* Культ Божьей Матери Лорето, его русские параллели и связи // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 669–697; *Ее же.* Новый Иерусалим в «Италийской пустыни»: сказания о перенесении дома Богородицы в Лорето // Новые Иерусалимы: Иеротопия и иконография. М., 2009. С. 419–444.

[27] См.: *Шаркова И.С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII вв. Л., 1981. С. 53–79.

«латинофильские» настроения в Москве, связанные с реформой патриарха Никона, с ролью Печатного двора в реализации этой реформы и с мировоззрением Епифания Славинецкого — человека, оказывавшего существенное влияние на настроения на Печатном дворе в ту пору. О Епифании известно, что он учился «в латинских странах», был знаком с латинскими книгами, блестяще знал греческий язык, который там выучил[28]. Собственно, «греческая премудрость» цвела в ту пору именно в Италии, причем далеко не только в Риме, но и в Венеции, Падуе и некоторых других центрах.

Пролог 1662 г. был одним из книжных проявлений никонианской реформы. Время, когда шла работа над его созданием,— вторая половина 1650-х гг.— это время подготовки и начала реализации реформы, призванной укрепить православную веру в России. Для этого идеологи реформы широко использовали и греческую, и латинскую ученость.

Не будет преувеличением мысль о том, что включение рассказа о Кассиане в Пролог 1662 г. отразило всю полноту ее идейного содержания. Кассиан воплощал в себе «обе линии»: Италию (уже не только «Рим») и Грецию. Более того, Кассиан духовно возрос (принял постриг, основал пустынь) именно на русской почве. Все лучшие достижения мирового православия в его лице чудесно преобразились и процвели именно в России! Подобные идеи были бесконечно дороги реформаторам[29].

Проявлением этих новых настроений и стало подчеркивание в Прологе 1662 г. живой связи Кассиана с Италией — страной греческой и латинской мудрости.

Тем не менее для противников явного латинофильства в конце XVII столетия образ Кассиана не был столь значим. В этом смысле показательно, что свт. Димитрий Ростовский не включил рассказ о Кассиане в составленные им Четьи-Минеи ни под 21 мая — день тезоименитства Кассиана-Константина (присутствует лишь рассказ о равноап. царе Константине), ни под 2 октября — день его преставления (присутствуют рассказы о сщмч. Киприане и св. мч. Иустинии, а также о блаж. Андрее Юродивом). После статьи на 21 мая есть лишь помета, сообщающая, что «в тои же день память святаго благовернаго князя Константина и чад его Михаила и Феодора Муромских чудотворцов и преподобнаго отца нашего Касиана Грека,

---

[28] *Кузьминова Е. А., Литвинюк Е. Е.* Епифаний Славинецкий // ПЭ. Т. 18. С. 552–556.

[29] Одной из наиболее значимых идей Никона было прославление русской церкви, воспринявшей все лучшее в мировом православии, ее подвижников и святынь. Примечательна в этом смысле гравюра на фронтисписе первого московского издания Библии 1663 г.: там события Священной истории, представленные в клеймах (слева — история Адама и Евы, справа — земной жизни Христа), обрамляют (!) изображение российского двуглавого орла и план Москвы, которые помещены в центр. См.: *Поздеева И. В.* Между Средневековьем и Новым временем: новое в деятельности Московского печатного двора второй половины XVII в. // *Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: исследования и публикации. М., 2011. Кн. 1. С. 73–74, 82 и др.

углецкаго чудотворца, *о нихъ же в Прологу*»[30]. (Если не принять во внимание эту ремарку, то такое молчание свт. Димитрия кажется странным: именно на его правление приходится заметное обновление жизни в Учемской обители, да и сам свт. Димитрий был одним из самых интеллектуальных людей своей эпохи...). Примечательно, что в прологах, напечатанных после 1662 г., сохраняется «итальянская» грань образа Кассиана[31].

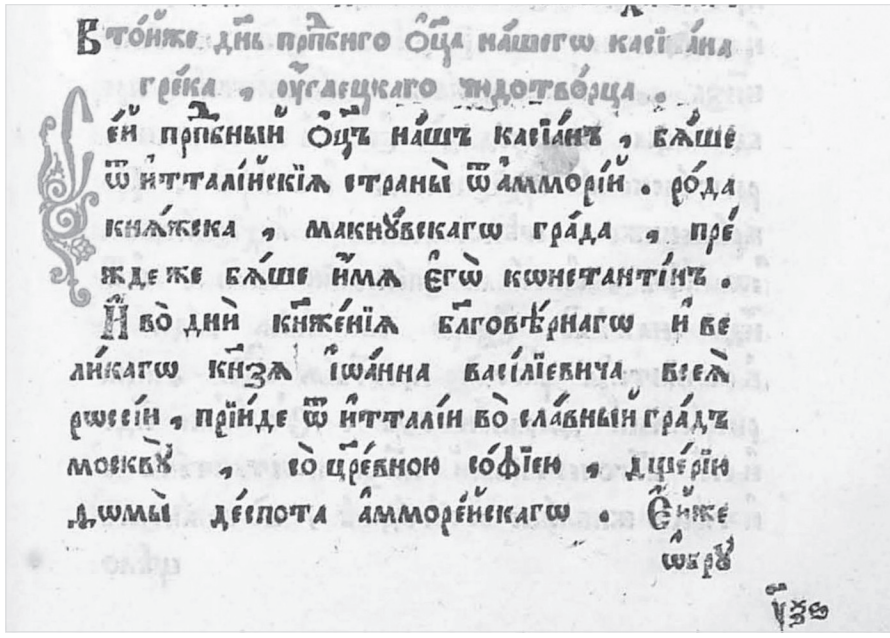
Интересно, что, кажется, на всех известных на сегодняшний день дореволюционных изображениях Кассиана Учемского святой предстает в довольно обобщенном образе монаха-отшельника, молитвенника и аскета, продолжателя традиции прп. Сергия Радонежского. Для русских иконописцев XVII–XIX вв. он никогда не был «человеком Запада», «римлянином» или «итальянцем».

Представляется важным подчеркнуть, что в редакциях жития, составленных и до, и после 1662 г. главная характеристика Кассиана состоит в том, что он пришел из чужого мира, но стал своим, унаследовав и развив своим подвижничеством заветы «игумена земли Русской». Именно эта идея — ключ к пониманию значения святого для русской культуры в широком смысле, а римлянин он в первую очередь, или в широком смысле итальянец, или грек, или в равной степени наследует лучшие традиции этих миров, духовно процветший на Русской земле — это отражения устремлений и исканий конкретных эпох.

[30] Книга житий святых на три месяцы: март, априль, маий. Киев, 1700. Л. 631.

[31] Текст о Кассиане, идентичный напечатанному в 1662 г., читается в прологах, изданных на Московском Печатном дворе в 1677 г. (Март — сентябрь. Л. 332–334) и в 1689 г. (Март — сентябрь. Л. 367–368 об.). Далее этот текст входит уже в прологи XVIII–XIX вв. без существенных изменений.

Ил. 1. Преподобный Кассиан Учемский. Образ из иконостаса Спасо-Преображенского собора Углича



Ил. 2. Фрагмент страницы Пролога 1662 г. с текстом: «Сей преподобный отецъ нашъ Касианъ бяше от Итталийския страны от Амморий»